

УДК 82+821.161.1

ФИЛОСОФСКАЯ ГЛУБИНА СТИХОТВОРЕНИЙ

АЛЕКСЕЯ ЕРАНЦЕВА

Никишов Ю.М.

Русская поэзия, особенно классическая, избаловала своих читателей обилием и масштабностью своих творцов. Имя Алексея Еранцева не успело утвердиться в литературной критике. Между тем его поэзия способна шагнуть за рамки своего исторического времени.

Ключевые слова: Алексей Еранцев, символ, образ, общение, язык, стиль, понимание, отклик.

THE PHILOSOPHICAL DEPTH OF POEMS

BY ALEXEY ERANTSEV

Nikishov Y.M.

Russian poetry especially classical has spoiled readers by abundance and scale of its creators. Name of Alexey Erantsev is not well-known in literary criticism yet. Meanwhile his poetry is able to step far beyond its historical time.

Keywords: Alexey Erantsev, symbol, image, communication, language, style, understanding, response.

Алексей Еранцев (1936-1972) жил и работал в зауральском городе Кургане. Он творил в эпоху, о которой сейчас либо ничего не говорят, либо говорят о ней плохо. Но поэты времена не выбирают. Еранцев имел твердый авторитет на своей родине, его начинали признавать в Москве. Преждевременная смерть заморозила этот процесс признания. Признать величие поэта никогда не поздно. Тем более сказано: "большое видится на расстоянии".

Еранцеву претила стихотворная публицистика, которая как раз преобладала в поэзии его времени. Он был твердо убежден: если какую-то мысль можно высказать прозой, так ее и надо высказывать прозой; поэзия саму

мысль воплощает образами. Он воспринимал себя символистом, поскольку символ и был его опорным образом. В отличие от символистов «серебряного века», которые и ввели в обиход это понятие, а в символ вкладывали нечто мистическое, невыразимое, Еранцев стремился дать реальную картину мира, а мысль о ней сделать подразумеваемой. Символ – образ двуплановый; он имеет внешний слой – и слой подспудный, но четко фиксируемый.

Я хочу показать это, выбрав несколько стихотворений, которые объединяет образ поэта и способы общения поэта с людьми, людей друг с другом.

Бросаюсь на мокрые стебли

Лицом в травяные поля:

Пусть сердце простучает землю,

Прослушает сердце земля.

Мне видится: звонко и чисто

Под шелест полынных порош

Кузнечики косят пшеницу

У горьких осиновых рош.

По листьям, листву прогибая,

По травам, бредущим ко сну,

Приходит звезда голубая

Погреться к ночному окну.

И женщина, шорох заслышав,

Впускает звезду на порог,

И где-то трубит электричка

В старинный охотничий рог.

Скрипят, как обоз, коростели,

И лунные тропы пылят...

И сердце простучало землю,

Прослушало сердце

Земля.

«Земля» [1, с. 40].

В лаконичном стихотворении дана картина грандиозного охвата: в пространственном – Земля и Вселенная (делегирующая на землю «погреться» голубую звезду), во временном – современное (электричка) и давнее (старинный охотничий рог). Вот на каком всеохватном фоне происходит главный эпизод интимного свидания человека (поэта) с миром. Сразу хочется подчеркнуть максимализм позиции Еранцева: успешное свидание с миром возможно только при условии абсолютной искренности. И берется удивительный инструмент двунаправленного действия – сердце человеческое. Оно само под контролем поэффективнее рентгеновского, заведомо ничего не спрячешь, да и прятать некуда, да и прятать незачем; оно же умеет проникать в неуловимое не хуже опытного врача.

Отдельно взятое стихотворение, при всей его емкости, не может исчерпывающе представить позицию поэта. Оно дает точечный, моментальный снимок его состояния. Здесь: что-то задумано – и сделано. Результат? Конкретика может быть весьма разнообразной. Тут – только программа и условие полнейшей искренности, без которой она не может быть реализованной. Если ее обозначить формулой «человек и мир», то она выявит свою универсальность: это и есть главная задача поэзии. Индивидуально исполнение.

Посмотрим, как удастся общение человека с природой:

*По отмелям белым песчаным,
По черным корням тростника,
Как тяжкую ношу, молчанье
Несла голубая река.
То веткой,
То птицей,
То камнем
Гроза пронесется над ней,
И эхо воскреснет и канет*

*В безмолвной ее глубине.
И не было участи горше,
Да путник из чащи на плес
Пришел и молчанья пригоршни
К губам пересошим поднес.
И вытер усталость над бровью,
И взглядом обвел оком,
И песней речное безмолвье
Проснулось нежданно в нем.
Он пел у костра на привале
И шурился в едком дыму.
От счастья слова забывая,
Река подпевала ему.
«Река» [1, с. 35].*

Это стихотворение включает эффект обманутого ожидания. Как не посочувствовать кормилице-реке, которая копит в своей глубине звуки мира – и не может их миру вернуть! А тут вдруг может прийти на помощь человек, словом владеющий. А желанный контакт не получился. Оказывается, и счастье может тому быть помехой. Поторопилось оно, показалось гарантированным – и помешало вспомнить в душе звучавшие слова. И человек оказался не помощник. А это откуда взято? Вроде бы в тексте о том не сказано. Прямым текстом – не сказано, зато включена неправдоподобная деталь: «И шурился в едком дыму». Путник вышел к реке «из чащи», так что проблемы с топливом нет, а от сухих веток в костре – какой дым? Опять же, если ветерок поддувает, что мешает сесть так, чтобы ветерок относил дым в сторону? А певец наш шурился в едком дыму. Тут слезы из глаз и закашляться запросто можно, какая уж тут песня!

Получается так, что ситуация, обещавшая быть бесконфликтной, даже гармоничной, на деле оборачивается неожиданным конфликтом. Почему? Как

его разрешить? Ага, сейчас поэт все разжует, как жить – научит... Только его ли это дело?

В поэтический стиль Еранцева надобно вникнуть: тут возникает своя, ситуативная логика образа. Щурящегося в дыму путника мы заметили: деталь неправдоподобна в логике поведения человека у костра, зато кричаще выразительна в логике стихотворения; затертое в стихах поэтов единение человека и природы вдруг оборачивается нерешенной проблемой. А как понять такой образ? «То веткой, / То птицей, / То камнем / Гроза пронесется над ней...» Выделим в качестве опорного слова «пронесется» – получаем перечень звучащих предметов (камень сам по себе молчалив, но издает звук при падении в воду), и все они мимолетны. Обратим внимание на звуки – услышим их нарастание, от негромких до раскатистых. Река хранит в своей безмолвной глубине не сами звуки, а их эхо: тут способность отражения как будто возводится в квадрат. Поверим, что для реки молчанье – тяжкая нота, если звуками пропитана каждая капля. Путник убедился в этом, глотнув пригоршню молчанья. Но для воспроизведения записи необходим проигрыватель. Тут – что-то не сошлось...

У Алексея Еранцева много стихотворений, рисующих целительное для человека общение с природой, а я выбрал конфликтное: поэт даже любимое не превращает в панацею; такой уж он максималист во всем.

А может, взять ситуацию общения попроще? Человека – с человеком! Но Еранцев и такую ситуацию заостряет. У него встречаются человек физически здоровый и человек, обиженный природой, которая при его рождении недодала способности слышать, а, следовательно, – и говорить.

*Он говорит на пальцах мне. Он лепит
Из воздуха слова. А речь смутна,
Как лепет листьев в тишине, как лепет
Ребенка в жарком обмороке сна.
Мой голос напряжен. Вот-вот до хрипа
Дойдет, сорвется. Но в его глазах*

*Я словно ртом хватающая рыба:
Мы говорим на разных языках.
И между нами пустота пустая.
Но вот берет сырую глину он,
Отбрасывает лишнее и ставит
Лепное слово на мою ладонь.
Лепное слово: буйный глаз олений
Закинутые на спину рога,
И раздувает ноздри дух весенний,
И на рогах обрывок поводка.
И мысль его, как сок по корневищу,
Идет в меня. Впервые на веку
Отчетливо глухонемого слышу,
Впервые отозваться не могу.
«Слово» [1, с. 34].*

Поэтическая изюминка этого стихотворения – стыки парадоксов. Человек лепит слова из воздуха: он и в самом деле *говорит* языком жестов; но чтобы *слышать* его, нужно владеть его языком, который выработан, которому обучают сурдологи. Другой человек надрывает голос, но это бесполезно – не докричаться. Умеющий изъясняться иначе, нежели голосом, быстрее находит путь общения с помощью другого, невербального вида искусства. Владящий великим и могучим на этот раз не может выразить свои чувства. Так бывает – именно тогда, когда сильные чувства трепетны и горячи, настолько, что на время сковывают язык (как орудие речи). Великий и могучий здесь не причем; он-то все может; на нем написано и проникновенное стихотворение Алексея Еранцева.

В данном стихотворении авторское «я» обобщено до общечеловеческого содержания, без ориентации профессионального характера. Но Еранцев – поэт, а потому интересно, как поэт, разговаривающий с миром, понимает, а главное –

как осуществляет процесс общения. А вот такое стихотворение, где сказано об этом, но, по обыкновению, не прямым текстом:

*Поэт над братьями не княжит,
Он книги им читает вслух,
Молотит, стряпает, портняжит,
Он служит нянькою у слуг.
Для них штиблеты драит ваксой,
Белье стирает добела,
Питье заморское и яства
Несет на тридцать три стола.
Конюшню чистит и коровник.
Он служит сотни лет подряд.
Но только рот они откроют –
Его словами говорят [1, с. 174].*

Само собой, тут допускается определенное смещение: если бы поэт вживую делал все, что перечислено, не осталось бы времени и сил, чтобы все это изобразить. Все деяния осмыслены творчески. Тогда увидим: еранцевский поэт демократичен. Стремясь к чистоте, духовной в первую очередь, он не чуждается грязной работы. За все старания есть достойная компенсация. В стихотворении полно гипербол; самая значительная – «*Он служит сотни лет подряд*». Увы, поэты часто долго не живут и среди долгожителей встречаются чрезвычайно редко. Но Еранцев и говорит не о жизни, а о службе; она-то может длиться «сотни лет подряд».

Список литературы:

1. Еранцев А. Избранное. Курган: ООО ПК «Зауралье», 2007.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Literature History Department, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.